

А. С. Костюк, Е. А. Худенко

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

СЕМИОТИКА И ПОЭТИКА ШАХМАТ В РАССКАЗЕ В. В. НАБОКОВА «ПОДЛЕЦ»

Аннотация. В данной статье рассматривается семиотика и поэтика шахмат в рассказе В. В. Набокова «Подлец». Фокус внимания исследования направлен на выявление роли шахматных образов и мотивов в организации художественного мира произведения. Анализируется игра в шахматы как сюжетообразующая деталь, отмечается связь шахматной партии и внутреннего конфликта героя. Особое внимание уделяется символике шахматной доски, фигур и игровых ситуаций, которые соотносятся с развитием сюжета и психологическим состоянием героя.

Ключевые слова: Набоков, шахматы, семиотика, поэтика, чувственное начало.

A. S. Kostyuk, E. A. Khudenko

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

SEMIOTICS AND POETICS OF CHESS IN V. V. NABOKOV'S SHORT STORY "THE SCOUNDREL"

Annotation. This article examines the semiotics and poetics of chess in V. V. Nabokov's short story "The Scoundrel". The focus of the research is aimed at identifying the role of chess images and motifs in the organization of the artistic world of the work. The game of chess is analyzed as a plot-forming detail, and the connection between the chess game and the hero's internal conflict is noted. Special attention is paid to the symbolism of the chessboard, the pieces and the game situations that relate to the development of the plot and the psychological state of the hero.

Key words: Nabokov, chess, semiotics, poetics, the sensual principle.

В творчестве В. В. Набокова игра в шахматы является одним из важных элементов структурной поэтики. Она выступает своеобразной моделью мироустройства, отражающей связь между случаем, расчетом и авторским замыслом. Само внимание автора-повествователя к данной детали находит объяснение в фактах биографии писателя: известно, что В. В. Набоков с детства увлекался шахматами. Позднее, находясь в Берлине, он играл в шахматы на квартирах у друзей, иногда участвовал в турнирах [4, с. 43]. Сам писатель вспоминал: «Я был довольно сильным шахматистом. Не «гроссмейстером», как говорят немцы, но неплохим игроком на, скажем так, клубном уровне, способным порой заманить в западню зазевавшегося чемпиона» [цит. по 4, с. 43]. Игра в шахматы проходит лейтмотивом через многие его произведения. Так, например, в «Трех шахматных сонетах» (1924) шахматные термины образуют синтез с философскими размышлениями. В романе «Защита Лужина» (1930) сюжет строится вокруг жизни одаренного шахматиста-эмигранта. В сборнике «Стихи и задачи» (1970) опубликованы 49 стихотворений и 18 шахматных задач, составленных писателем.

Актуальность данной работы заключается в том, что результаты, полученные в ходе исследования, позволят в дальнейшем углубить литературоведческий анализ, касающийся семиотики и поэтики шахмат как предмета художественного мира литературных произведений В. В. Набокова.

Научная новизна исследования заключается в том, что семиотика и поэтика шахмат как предмета художественного мира будет впервые рассмотрена на материале рассказа В. В. Набокова «Подлец».

Цель данной работы – изучить семиотику и поэтику шахмат в рассказе В. В. Набокова «Подлец».

Опираясь на многие современные исследования по нейрофизиологии, философии и психологии игры, можно с уверенностью сказать, что игра способствует развитию нашей

мозговой деятельности. Как пишет по этому поводу американский психиатр и президент Национального института игры С. Браун, «прекращая игру, мы прекращаем развиваться, и когда это происходит, законы энтропии берут верх – все распадается. В конечном счете, мы разделяем судьбу асцидии и становимся вегетативными, остаемся на одном месте и не взаимодействуем с миром в полной мере, превращаясь из животного в растение. Прекратив играть, мы начинаем умирать» [1, с. 65]. Именно поэтому проблема происхождения и содержания человеческой игры притягивает к себе интерес современных исследователей различных областей гуманитарных наук.

«Традиционно считается, что шахматная игра впервые появилась в Индии в V-VI веках нашей эры» [2, с. 15], – пишет М. Ю. Гутенев. Рассматривая роль и функции шахматной игры в культуре обществ на различных исторических этапах, исследователь отмечает, что, «в Древней Индии (до V века) шахматная доска служила орудием для жреческих предсказаний, игра была своеобразным символом картины мира; в Древней Индии (в V-VI веках) прародительница шахмат – чатуранга – рассматривалась как праздная и азартная игра для четверых человек. В Персии (VII-VIII вв.) чатуранга становится игрой высших слоев общества, играть в которую могли лишь умнейшие и достойнейшие люди; чатуранга преподавалась как предмет в военных школах, использовалась для моделирования военных действий <...>» [2, с. 16]. Со временем отношение к шахматам менялось.

Впервые в литературе шахматы (шатрандж) упоминаются в персидском произведении «Карнамук» (около 600 г. н. э.). В нём шахматы предстают как игра, которой овладел основатель династии Сасанидов. В новелле Вильгельма Хайнзе «Анастасия и игра в шахматы» (1803) шахматы впервые становятся важной частью сюжета, приводится конкретная позиция на доске.

В произведениях писателей XX-XXI веков упоминание шахмат уже не редкость. Попадая в литературу, шахматы перестают быть просто игрой, они трансформируются в семиотический знак, обрастающий смысловой нагрузкой. В наше время общество всё чаще обращается к истокам подобных знаков, к их означаемому, писатели не являются исключением.

В рассказе «Подлец» главный герой Антон Петрович оказывается в сложной жизненной ситуации: вернувшись из Касселя раньше запланированного срока, куда он уезжал по делу, он застаёт у себя в спальне Берга, своего бывшего делового партнера, у которого было свидание с его женой. Очевидно, что в основу рассказа писателем был заложен анекдотический сюжет. Антон Петрович пытается вызвать Берга на дуэль, но жест выходит неловким, смазанным: брошенная героем перчатка ударяется о стену и попадает в кувшин с водой. Герой выставляет за дверь любовника жены и, не найдя в себе силы остаться в своем же доме, уходит. Идя по улице, Антон Петрович оказывается на площади, где живет его приятель Митюшин. Он решает позвонить ему, а после чего приходит к нему домой.

Дома у Митюшина царит атмосфера пьяного распадающегося мира: *«Вообще все это было слегка нелепо, как бывает во сне: пустая бутылка из-под водки с воткнутой в горлышко розой, доска с начатой шахматной партией, спящая дама, пьяный Митюшин, пьяный, но совершенно спокойный Гнушке...»* [3, с. 344]. Все детали, упомянутые в этом ряду, представляют собой последовательность событий, произошедших с Антоном Петровичем. Так, например, *«пустая бутылка из-под водки с воткнутой в горлышко розой»* символизирует измену, так как сосуд, в котором она находится, не предназначается для роз, он предназначается для жидкости, которая вызывает измененное сознание героев. Отметим, что Митюшин, Гнушке, а позднее и Антон Петрович этой ночью, находятся в состоянии измененного сознания, что резко контрастирует со следующей деталью – *«доска с начатой шахматной партией»*. В данном рассказе эта деталь становится сюжетообразующей, она выстраивает художественный мир произведения. *«Начатая шахматная партия»* – это ситуация столкновения с соперником и неловкий жест вызова на дуэль. Именно тогда герой начинает продумывать «ходы»: *«Как поступить? Скорей... По ногам проходит дрожь. Ног уже нет, есть только холодная, ноющая дрожь. Скорей... Он стал стискивать с руки*

перчатку. Перчатки были новые и сидели плотно. Он дергал головой, и сам не замечал, как бормочет: «Уходите немедленно прочь. Какое безобразие. Уходите прочь...» [3, с. 324]. Шахматы – это игра, требующая концентрации внимания и расчета. Но уже в этом фрагменте видно, что чувства берут верх над героем, как бы он не старался контролировать ситуацию.

Выбор лексем, а также порядок выстраивания лексических единиц в приведенном выше фрагменте, позволяет прочесть ситуацию в комнате Митюшина как продолжение шахматной партии. Расстановка лексических единиц «*спящая дама*», «*пьяный Митюшин*», «*пьяный, но совершенно спокойный Гнушке*» позволяет прочесть этих персонажей как расстановку шахматных фигур. Этому особенно способствует лексическая единица «*спящая дама*», стоящая сразу после шахматной доски. Следует оговорить тот факт, что у шахматных игроков во многих европейских языках есть неофициальное название ферзя (или королевы) – дама. Так, например, в немецком языке ферзь традиционно называется «*die Dame*». В шахматном сленге лексема «*спящая*» означает фигуру, которая долго остается на своей начальной или пассивной позиции, не принимает участие в игре на данный момент. В данном контексте «*спящая дама*», скорее, оксюморон, так как в шахматах дама едва ли не самая подвижная фигура на доске. Такое сочетание лексем используется редко и, как правило, в шутку.

Первым делом Митюшин и Гнушке дали выпить Антону Петровичу полчашки водки. И только потом попросили рассказать, что случилось. При этом Митюшин и Гнушке все время возвращались к своей начатой шахматной партии: «*<...> Мой ход, Генрих, и знай, что, если ты сейчас хлопнешь моего слона, я тебе дам мат в три хода. Ну, валий, Антон Петрович*» [3, с. 344], «*<...> Ты забыл пешку на аш пять*» [3, с. 344] и так далее. После водки сознание героя изменяется, автор пишет об этом так: «*От водки все вокруг заходило ходуном: шахматная доска тихо полезла на бутылки, бутылки поехали вместе со столом по направлению к дивану, диван со спящей дамой двинулся к окну, окно тоже куда-то поехало. И это проклятое движение было как-то связано с Бергом, и нужно было положить этому конец, покончить с этим безобразием, растоптать, разорвать, убить*» [3, с. 345]. Сознание героя в этот момент «затуманено». Он даже не помнит как именно «*это проклятое движение*» связано с Бергом. Решения героем принимаются не обдуманно. Он рассказывает о своем намерении вызвать на дуэль соперника и просит Митюшина и Гнушке быть его секундантами. Те соглашаются. После того как Антон Петрович написал Бергу письмо и зарыдал, Митюшин, для того чтобы утешить друга, показал на шахматную доску, повторяя при этом фразу: «*Вот ты его, как этого короля – мат в три хода и никаких гвоздей*» [3, с. 346]. В шахматах «мат» символизирует неизбежность, «смерть» короля. И хотя король сопоставляется в данной ситуации с Бергом, поражение претерпевает Антон Петрович, который сам поставил себя в безвыходное положение, ловушку из своих же «фигур»: «*<...> С какой-то трогательной самостоятельностью все сейчас в нем движется: пульсирует сердце, надуваются легкие, бежит кровь, сокращаются кишки, – это внутреннее, мягкое, беззащитное существо, живущее так слепо, так доверчиво, это нежное анатомическое существо он ведет на убой... На убой! <...>*» [3, с. 355]. Главный герой осведомлен, что его соперник бывший офицер, который убил наповал пятьсот двадцать три человека. А он даже не держал оружие в руках. Примечательно, что в финале рассказа Антону Петровичу снится сон, в котором его соперник Берг сбежал с дуэли и его позор оказался не обнаруженным. Вероятно, В. В. Набоков отсылает нас к означаемой лексической единицы «*спящая*» фигура.

Когда пришло время Антону Петровичу уйти из квартиры Митюшина, «*спящая дама*» просыпается и произносит, пожалуй, единственно «*трезвую*» фразу, которая звучит за время его пребывания у Митюшина: «*Вы бы, господа, больше не пили <...>*». По возвращении домой главный герой решает расположиться в гостиной, так как спать в спальне «нельзя». Далее автор пишет: «*<...> А, собственно говоря, Антон Петрович зашел к Митюшину просто так, чтобы спокойно посидеть, может быть, даже поспать у него, а то дома было слишком тошно. И ни с того, ни с чего... Нет, конечно, Берга полагается убить, но сначала нужно было хорошенько все продумать и, если выбирать секундантов, то уж, во всяком случае, порядочных людей. В общем вышло безобразие <...>*» [3, с. 347-348]. Через некоторое время к

нему приходят Митюшин и Гнушке с сообщением о том, что Берг принял вызов. После обсуждения организационных моментов герои уходят. Сцене «плывущей» комнаты Митюшина, противопоставлена сцена «неподвижных», «трезвых» комнат Антона Петровича, которые символизируют возвращение его сознания в норму: «<...> *Пусто в комнатах и неподвижно, как будто было время, что вся мебель дышала, двигалась, – а теперь замерла*» [3, с. 351]. Предметный мир рассказа после ухода приятелей приобретает «статичную» форму: мебель не дышит, не движется. И герой понимает, что будет убит. Игнорируя факты, но надеясь на благоприятный исход, Антон Петрович «продумывает» ночью возможные «ходы», которые создают иллюзию контроля: «<...> *И, когда начнется дуэль, он поднимет воротник пиджака, так, кажется, полагается, – чтобы не белела рубашка, что ли, или просто потому, что по утрам сыро. Так было в одном фильме. Затем нужно будет сохранять полное хладнокровие, говорить со всеми вежливо и спокойно. Спасибо, я уже стрелял. Теперь ваша очередь <...>*» [3, с. 353-354]. Но эти стратегические рассуждения героя, перебиваются его чувственным началом. Он ищет предсказания, приметы, пытается заглянуть в будущее: делает расклад на картах, заостряет внимание на названии книги, которая называлась «волшебная гора», гора по-немецки – «*der Berg*», что созвучно с именем его соперника и т. д. Измучив себя ночью, не выспавшись, на утро Антон Петрович отправляется на место дуэли. При каждой возможности герой пытается отсрочить неизбежное: уходит мыть руки перед выходом из дома, заходит в трактир, перед лесом, чтобы выпить пива, и в итоге – сбегает. В данной шахматной партии герой проигрывает. Его чувственная, «животная» природа берет верх. Не случайно в самом конце рассказа герой заказывает себе в гостиницу бутерброд с ветчиной, и как только горничная выходит, герой «<...> *обеими руками схватил хлеб, засопел, сразу измазал пальцы и подбородок в салате и с тал жадно жевать*» [3, с. 63].

В рассказе В. В. Набокова шахматы отражают внутренний конфликт героя – борьбу рассудка и чувств, нравственных и безнравственных начал.

Список источников

1. Браун, С. Игра. Как она влияет на наше воображение, мозг и здоровье / С. Браун, К. Воган ; [пер. с англ. Т. Мамедовой]. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 192 с.
2. Гутенев, М. Ю. Шахматная игра как феномен интеллектуальной культуры : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гутенев Максим Юрьевич. – Тюмень, 2013. – 28 с.
3. Набоков, В. В. Подлец / В. В. Набокова //Собрание сочинений. В четырех томах. – Москва : Правда, 1990. – Т. 1. – 414 с.
4. Целкова, Л. Н. В. В. Набоков в жизни и творчестве : учебное пособие / Л. Н. Целкова. – 6-е изд. – Москва : Русское слово – учебник, 2012. – 129 с.